Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 313–318
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(2):313–318

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 32
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318 EDN LNPQFK

Политическое инвестирование бизнеса как категория политической науки: теоретические версии в современном российском контексте

Дмитрий Александрович Фомин

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье предлагается концептуальная модель политического инвестирования бизнеса, которая отражает политические и экономические реалии современного Российского государства. В условиях беспрецедентного внешнего давления на национальную экономику политическое инвестирование со стороны представителей деловых кругов на федеральном и региональном уровне выступает одним их эффективных инструментов, способствующих укреплению внутреннего диалога общества и власти в лице публичных институтов. Также политическое инвестирование обеспечивает повышение стабильности и инвестиционной привлекательности экономики в целом, снижает рискогенность и коррупционную составляющую. Автор статьи предлагает в качестве исходной теоретико-методологической платформы содержательного раскрытия политического инвестирования как категории политологического анализа классическое понятие корпорации, которое исторически связано с концепцией гражданского общества. Центральная идея, которую выражает политическое инвестирование, – это опосредствование частных и государственных интересов.

Ключевые слова: политическое инвестирование бизнеса, экономическая модель, инвестиции, корпоративизм, либерализм, институционализм, национальная экономика

Для цитирования: Фомин Д. А. Политическое инвестирование бизнеса как категория политической науки: теоретические версии в современном российском контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 313–318. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318. EDN LNPQFK

Young scientists

Original article

Political business investment as a category of political science: theoretical versions in the modern Russian context

Dmitry A. Fomin

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article proposes a conceptual model of political investment of business, which reflects the political and economic realities of the modern Russian state. In the conditions of unprecedented external pressure on the national economy, political investment by representatives of business circles at the federal and regional levels is one of the effective tools that contribute to the strengthening of internal dialog between society and government represented by public institutions. Also, political investment provides an increase in stability and investment attractiveness of the economy as a whole, reduces the riskiness and corruption component. The author of the article proposes as an initial theoretical and methodological platform for the meaningful disclosure of political investment as a category of political science analysis the classical concept of corporation, which is historically linked to the concept of civil society. The central idea that political investment expresses is the mediation of private and public interests.

© Фомин Д. А., 2024

Keywords: political business investment, economic model, investment, corporatism, liberalism, institutionalism, national economy

For citation: Fomin D. A. Political business investment as a category of political science: theoretical versions in the modern Russian context. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(2):313–318. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-313-318. EDN LNPQFK

Введение

Для профильного сообщества политологов в современной России одна из ключевых исследовательских задач – концептуальное осмысление складывающейся модели взаимоотношений власти, институтов гражданского общества, бизнес-кругов, творческой и интеллектуальной элиты. На протяжении многовековой российской истории эти отношения развивались по сложной «кривой» траектории, далеко не всегда отражая объективную историческую логику социально-экономических, правовых или культурных процессов (факторами чаще всего выступали идеологическая направленность политических решений или правовое отчуждение социального слоя промышленников и финансистов от институтов гражданского общества).

Особенность эволюции российского способа организации экономической жизни заключалась прежде всего именно в содержании коммуникации государства и бизнеса. Классическая западноевропейская либеральная модель гражданского общества, сложившаяся еще в первой половине XIX в., опиралась, как известно, на принципы корпоративизма. Их суть, в переводе на современный язык, состоит в том, что отраслевые сообщества промышленников (в городе) или аграриев (в сельской местности) выступают формой институциональной организации (общности), которая внутри государства обеспечивает гармонизацию и устойчивый баланс частных «эгоистических» интересов и «всеобщих» интересов гражданского общества и в именно в таком качестве выступает основой сохранения нравственного измерения жизни людей, их свободы и их прав. Дух корпоративизма уравновешивает охранительные, надзорные и карательные функции государства [1, с. 274–278]. Впоследствии, в ходе развития уже неолиберальной модели общества и государства, многие положения классической теории были утрачены или оказались неактуальны. Научно-технический прогресс поставил под сомнение значение границ национальных экономик, что, в конечном счете, привело к нарастанию глобальных противоречий. По нашему мнению, важнейшее концептуальное положение именно классического либерализма, которое не утратило своей ценности и сегодня, может быть использовано с целью определения оптимального пути выстраивания взаимодействия власти и бизнеса (в том числе в нашей стране). Опосредствование частной свободы и индивидуальных прав с общегосударственными интересами и смыслами должно получать институциональную форму предметного закрепления (реализации). В этом случае можно избежать издержек командно-административной плановой системы и, с другой стороны, хаотичности рыночной открытой модели.

В настоящее время перед российским обществом стоит очевидная проблема – необходимо сформировать консолидированную программу устойчивого развития страны в новейших непростых условиях внешнего давления. Ее главным компонентом и должно быть четкое понимание роли бизнес-сообщества в политической жизни. Переосмысление данной роли, наполнение ее качественно обновленным содержанием должно очевидно стать одним из ведущих драйверов экономического роста и устойчивого развития государства в целом. Связано это в первую очередь с тем, что обеспечение конкурентоспособности страны на международной экономической арене, как глобальной, так и региональной (евразийской), возможно только за счет повышения наукоемкости производства, государственной поддержки отечественных отраслей тяжелой и легкой промышленности, банковского сектора и, конечно же, аграрного комплекса.

Все большую роль начинают играть те отрасли и сектора национальной экономики, которые непосредственно связаны с так называемой «четвертой технологической революцией», в которой производство добавленной стоимости всецело определяется не ресурсной базой, а именно человеческим капиталом, социальным доверием и способами коммуникации между государством и обществом. «Интерес государства, общества и бизнеса к тем или иным секторам и, как следствие, приток средств, трудовых ресурсов и активизация предпринимательства все в большей степени определяются своего рода “модой”, отражающей господствующие представления о перспективности тех или иных секторов и сфер деятельности» [2, с. 17]. Государственная поддержка предпринимательства и промышленного

сектора не должна носить односторонний характер. *Политическое инвестирование* бизнеса как политологический концепт как раз и призвано раскрывать специфику и смысл *взаимовыгодного двустороннего* взаимодействия власти, гражданского общества, институционализированных практик публичного участия деловых кругов в принятии решений.

Теоретическое обсуждение

Считаем необходимым предложить рабочее определение политического инвестирования бизнеса, от которого будем отталкиваться в дальнейшем изучении реальной практики отношений между бизнесом и государством (публичными институциями) и ее концептуальными образами, формируемыми политологическим или экономическим сообществом. *Политическое инвестирование бизнеса следует рассматривать как вид деловой коммуникации власти и хозяйствующих субъектов (промышленных, финансовых кругов, представителей сферы торговли и услуг, аграриев, транспорта и пр.), опирающийся на принципы корпоративной идентификации бизнес-сообщества*.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтоб сформировать теоретический контур определения политического инвестирования как категории современной политической науки. В качестве такой категории политическое инвестирование интегрально объединяет в себе теорию и практику социальной ответственности бизнеса, а также иные, свойственные именно национальной российской модели экономики, характеристики, связанные с влиянием территориального (географического) фактора, транспортно-логистической обеспеченности и структурированности и т. д.

На наш взгляд, для отечественной модели социально-политического и экономического развития оптимальной является именно корпоративная модель, спроецированная на современные отечественные реалии. В данном случае исходим из имеющегося опыта теоретического толкования отношения между государством и бизнесом. «В современной политической системе действуют две принципиально отличные друг от друга модели взаимодействия бизнеса и государства: плюралистическая и неокорпоративистская. В действительности ни одна из них не действует в чистом виде. Существующие в мире конкретные примеры чаще всего представляют собой некие смешения и переплетения обеих моделей» [3, с. 178]. О сущности неокорпоративизма писал, как известно, Филипп Шмиттер. По мнению ученого, перспективы неокорпоративизма связаны с эволюцией постиндустриальной экономики, процессом миниатюризации свободного труда и дальнейшим углублением урбанизации как универсальной модели организации жизненного пространства в условиях НТР и динамичного развития сетевой цифровой коммуникации [4].

Можно ли утверждать, что реалии отношений между властью и бизнесом в современной России могут быть описаны в терминах неокорпоративизма? Видимо, вряд ли (или с большими оговорками). Главная причина заключается в том, что дифференциация бизнеса на отдельные группы среднего уровня не отражает в полной мере решение задач аккумуляции и мобилизации ресурсов, необходимых для ускорения роста ВВП и иных макроэкономических показателей, обеспечивающих конкурентные преимущества национальной экономики [5]. Классическая модель корпоративизма, связанная органически с концепцией гражданского общества, представляется более ценной с точки зрения конструктивного потенциала своей главной идеи – опосредствования частных и государственных интересов.

Та модель диалога власти и бизнеса, которая сформировалась в постсоветское время на волне критики командно-административной экономики и моноцентристской идеологии в 1990-е г., и которая во многом обосновывалась с опорой на прозападные неолиберальные принципы, сегодня себя исчерпала и не отвечает фундаментальным задачам, стоящим перед обществом и государством. Сохранение и укрепление политического, социокультурного и экономического суверенитета входит в противоречие с действующими на глобальном «рынке» и в глобальном коммуникативном пространстве стандартами «открытого общества». Данные стандарты выражают собой не что иное, как вполне определенные интересы транснациональных финансовых элит. Их тиражирование и экспансия во многом опираются на прогрессивную динамику сетевой формы коммуникации, охватывающей сегодня все более масштабные лакуны коллективного опыта. Столь же очевидным является и невозможность простого повторения или воспроизведения прежней советской политико-экономической парадигмы. *Политическое инвестирование бизнеса на сегодняшний день выступает оптимальным методом организации взаимовыгодного частно-государственного партнерства*, сотрудничества органов государственной власти и представителей реального сектора экономики.

Проблема, требующая своего осмысления и решения, заключается в том, что на сегодняшний день сложилось узкое и весьма ангажированное понимание самого феномена политического инвестирования в качестве простого финансирования определенной политической силы в обществе/регионе. Такое понимание является объективным препятствием для формирования не только научной парадигмы, лежащей в основе политической программы и стратегии руководства страны, но и качественно новой идентичности российского бизнеса, опирающейся на национальные, исторически выработанные и оправданные, ценности, смыслы и цели развития. Важнейшим условием обретения подлинной независимости современной России как глобального политического субъекта и экономического игрока, является кардинальное переосмысление социальной ответственности бизнеса и самой природы хозяйственной деятельности. Ценности личного успеха и обогащения, которые, понятно, не могут быть просто «отменены» директивно, однако, должны дополняться ценностью труда и определенным общественно значимым измерением инвестиционной деятельности и бизнес-проектирования. Такое измерение не исчерпывается полностью лишь одними финансовыми показателями деятельности. Его ключевым звеном является вклад промышленного и финансового капитала в укрепление политической стабильности и социальной целостности общества в целом, отдельного региона, отрасли и т. д.

Такое инвестирование является действительно долгосрочным, поскольку обеспечивает в конечном счете не просто устойчивость политико-правового «порядка», но и прогнозируемый инвестиционный климат в обществе. Без чего экономическое проектирование и вложение денег в национальную экономику оказывается сопряжено с рисками. Именно политическое инвестирование бизнеса является одним из ключевых элементов архитектуры общей экономической и политической устойчивости общества, обеспечивающим снижение рисков, делающих более надежными существующие правовые инструменты регуляции и более прозрачными механизмы бюджетного планирования. Конвертация политического инвестирования бизнеса носит многоуровневый характер.

В соответствии с неолиберальной идеологией, которая проповедовалась в России после 1991 г. вплоть до нашего времени (особенно активно в СМИ), экономическая свобода и экономический суверенитет являются основой политической независимости. Реалии текущей ситуации в мире свидетельствуют о том, что отношение между политической и экономической жизнью страны должно находиться в состоянии равновесия. Определенные иллюзии возможного геополитического будущего России, которые поддерживались с помощью различных агентов западного влияния, какое-то время господствовали в политическом самосознании элиты. С другой же стороны, представители крупного российского бизнеса также не видели оснований для придания ценностного характера долгосрочным инвестициям именно внутри страны, особенно, в отдаленных регионах с повышенными рисками производства. Как итог, масштабные экономические кризисы 1998, 2008-2010 гг., и затем санкционное давление, начиная с 2014 г. и резко возросшее в 2022 г., вскрыли значительные структурные диспропорции российской экономики, ее уязвимость перед лицом внешней политической агрессии или же мировой экономической рецессии (спад потребления энергоресурсов, экспорт которых долгое время составлял основной источник бюджетного наполнения и т. д.). Не следует забывать и о том, что в среде самого российского крупного бизнеса в определенный период времени либеральных «реформ» 1990-х гг. активно педалировалась идея постепенного поглощения институтов государства бизнес-структурами.

Поэтому сегодня остро стоит задача кардинального переосмысления отношений между деловым сообществом и властью. Очевидно, что никакие международные структуры объективно не могут гарантировать российскому бизнесу, его отдельным представителям, сохранение капиталов. Незыблемость частной собственности как краеугольный камень социально-экономической и правовой архитектуры европейского и американского сообщества, отныне носит лишь локальный избирательный характер (в лучшем случае зонтично декларируемый) и не является универсальным практически действующим принципом выстраивания отношений с российским бизнесом.

Ярким примером узкого толкования политического инвестирования выступает оценка явления, которую приводят С. Ю. Барсукова и Е. В. Денисова-Шмидт: под политическим инвестированием понимается «участие бизнеса в финансировании избирательных кампаний» [6, с. 110]. При этом подобное участие может быть двояким: «*Пассивное политическое инвестирование* бизнеса сводится к удовлетворению финансовых требований власти в области политических проектов (финансирование деятельности партий и избирательных кампаний). … *Активное политическое инвестирование* носит добровольный, инициативный характер и направлено на то, чтобы делегировать своих

представителей во власть – в ходе выборов получить мандат депутата, пост мэра или губернатора. … В рамках пассивного политического инвестирования бизнес приобретает *расположение власти*... Тогда как с помощью активных политических инвестиций – бизнес получает *место во власти*» [6, с. 111].

Данная точка зрения на природу политического инвестирования в современном актуальном политическом внутрироссийском и международном контексте, по нашему мнению, уже не отражает все нюансы, формы и векторы взаимодействия государства и общества, государства и хозяйствующих субъектов. Акцент на «теневом» характере финансовых отношений власти и бизнеса, который делают указанные и другие авторы [7, с. 121], в большей степени отражает состояние политики и экономики страны в постсоветский период пиковой кризисной трансформации, девальвации прежних структур и функций публичных институтов и неустойчивой политической стратегии новых. Ни в коем случае не следует путать политическое инвестирование бизнеса и негативные явления в жизни общества, такие как коррупция. Распространение коррупции как раз свидетельствует о деструктивном тренде в развитии отношений между бизнесом и властью, приводит к появлению таких феноменов, как элитарная преступность и IT-преступность [8–10]. Коррупция является способом заместить пустующие каналы коммуникации между государством и обществом (бизнесом). Временно и локально реализуя частные интересы той или иной группы влияния, в перспективе коррупция действует разрушающе. И тем более является препятствием для формирования устойчивой платформы прогрессивного развития государства и экономики. Значительно снижает инвестиционную привлекательность отечественной экономики на региональном уровне.

Выводы

Итак, политическое инвестирование бизнеса является новой редакцией корпоративной платформы взаимодействия государства и экономических частных структур и субъектов. Как актуальная категория политической теории политическое инвестирование бизнеса объединяет в себе следующие содержательные аспекты:

- опирающаяся на принципы классического корпоративизма деловая коммуникация государства и представители экономического сообщества;
- разновидность долгосрочного инвестирования, снижающая риски и увеличивающая инвестиционную привлекательность национальной экономики;
- способствует снижению уровня коррупции и правового нигилизма в обществе, повышает индекс социального доверия и прозрачности механизмов принятия как политических решений, так и бизнес-проектов;
- выстраивание особого социального партнерства бизнеса и власти, смыслом и целью которого является общее благосостояние страны как условие личного успеха предпринимателей и эффективности государственной экономической политики.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Взаимодействие бизнеса и власти в современной России. Промышленная политика / В.П. Евтушенков, Д.А. Пумпянский (руководители авт. колл.), М.Н. Глухова, М.Г. Кузык, А.Н. Лоцманов, С.Ю. Макаревич, Ю.Л. Максименко, М.В. Попов, В.Г. Рудашевский, Ю.В. Симачев, А.А. Федюнина, Р.Э. Чавдаров, Л.Г. Яковлева. М.: РСПП, 2021 г. 183 с.
3. Костин А. Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 145–151. DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-145-151.
4. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм. [электронный ресурс]. - URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1997_2.pdf (дата обращения 02.02.2024).
5. Попенко А. В., Слинько А. А. Современные модели взаимодействия бизнеса и власти в России // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 1 (40). С. 177-182.
6. Барсукова С. Ю., Денисова-Шмидт Е. В. «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110-125. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08.

7. Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Механизм политического инвестирования, или Как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 110–121 https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09.

8. Григорян Д. К., Яцкина И. А. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2023. С. 30–35.

9. Григорян Д. К. Элитарная преступность как объект изучения уголовно-правовых наук: к вопросу о постановке научной проблемы // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1 (104). С. 60–65.

10.Григорян Д. К., Сантросян А. Г. Бизнес-элита как субъект социальной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 11 (162). С. 129–132.

References

1. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law.* Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)

2. *Interaction between business and government in modern Russia. Industrial Policy.* Moscow: RSPP; 2021. 183 p. (In Russ.)

3. Kostin A. E. To the question of the applicability of F. Schmitter's theory of corporatism in the modern Russian political space. *Management Consulting*. 2018;(2):145–151. DOI 10.22394/1726-1139-2018-2-145-151. (In Russ.)

4. Schmitter F. *Neocorporativism.* [electronic resource]. Available from: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Shmitter_1997_2.pdf [date of circulation 02.02.2024). (In Russ.)

5. Popenko A. V., Slinko A. A. Modern models of interaction between business and government in Russia. *Region: systems, economics, management*. 2018. 1 (40): 177-182. (In Russ.)

6. Barsukova S. Y., Denisova-Schmidt E. V. "Political investments" of business in Russia, or why business finances election campaigns. *Polis. Political Studies*. 2020. (3): 110-125. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08. (In Russ.)

7. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. Mechanism of political investment, or How and why Russian business participates in elections and pays for party life. *Polis. Political Studies.* 2006;(2):110-121 https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09. (In Russ.)

8. Grigoryan D. K., Yatskina I. A. IT-crime as the reverse side of digitalization of society. *Scientific support of detection, investigation and prevention of crimes. Materials of the All-Russian scientific-practical conference*. Irkutsk, 2023: 30-35. (In Russ.)

9. Grigoryan D. K. Elite criminality as an object of study of criminal-legal sciences: to the question of the statement of the scientific problem. *Philosophy of Law: scientific-theoretical journal.* 2023;1(104):60–65. (In Russ.)

10. Grigoryan D. K., Santrosyan A. G. Business elite as a subject of social responsibility. *Science and Education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*. 2023;11(162):129–132 (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Фомин – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Fomin – Postgraduate Student at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.